

УДК 821.161.1

ЧАЦКИЙ И ОНЕГИН. ЧАСТЬ II

Никишов Ю.М.

А.И. Герцен назвал братьями героев новой русской литературы Чацкого и Онегина. Как водится, между братьями можно наблюдать и сходство, и различие. В современном литературоведении подробно эта проблема не рассматривалась. Автором вносятся существенные уточнения в понимание героев, чему способствует знание творческой истории и направления мировоззренческих исканий Грибоедова и Пушкина. В романе Онегин показан человеком околodeкабристского круга, а финальное положение «Отрывков» его путешествия пророчит герою судьбу «лишнего человека». Но финалы обоих произведений открыты, оставляющие выбор за героями.

Ключевые слова: Чацкий, Онегин, откровение, символ, разобщенный мир, исторический фон, открытые финалы.

CHATSKY AND ONEGIN. PART II

Nikishov Y.M.

Alexander Herzen called Chatsky and Onegin, heroes of the new Russian literature, brothers. Usually there are both similarities and differences between brothers. In modern literary studies this problem has not been considered in detail yet. The author makes significant clarifications in the understanding of the characters which is facilitated by the understanding of the creative history and the direction of the ideological searches of Griboyedov and Pushkin. In the novel Onegin is shown as a man of the near-Decembrists circle and the final position of “The Fragments” of his journey predicts to the hero the fate of the “superfluous man”. But the finales of both works are open, leaving the choice for the heroes.

Keywords: Chatsky, Onegin, revelation, symbol, disjointed world, historical background, open endings.

Искусство любит парадоксы, но на парадоксы щедра и жизнь. Тем же летом 1820 года у Пушкина, двойного тезки поэта-дипломата, тоже возник замысел очень важного для автора произведения: десять лет активной творческой жизни было отдано Пушкиным герою-приятелю по имени Евгений Онегин. Его колыбелью, засвидетельствовал автор, был Крым. Жанровую форму поэт предпочел уникальную, экспериментальную: роман в стихах.

Протянувшееся на десять лет повествование категорически исключает статичность в изображении героя: понимание его напрямую связано с познанием творческой истории романа. Между тем для очень многих вполне достаточно картин первой главы («быстрого введения», по оценке автора) как основной базы для понимания героя. Но уже здесь в одном два разных героя. Один – успешно освоивший тот образ жизни, который и был предназначен для молодежи его положения. Собственно, тут посредством героя индивидуализирован типовой образ светской жизни. Но внезапно все обретенные им ценности рухнули. По какой такой причине?

Кажется, поэт готов дать ответ на такой вопрос:

Недуг, которого причину

Давно бы отыскать пора...

То, что нужно! Слово «причина» вынесено в рифму, запоминается. Но что это? Речь поэта становится затрудненной. На ходу упрощая ее, поэт... фактически меняет тему описания!

Подобный английскому сплину,

Короче: русская хандра

Им овладела понемногу... [10, с. 22].

Безусловно, перед нами уникальный фрагмент пушкинской поэзии. Демонстрируется не косноязычие, а виртуозность, хотя вместо причины явления всего лишь повторяется констатация. Поэт заявляет очень важную тему, но не спешит с окончательным определением, приглашая к размышлению читателей, дав образцы таких определений. Кстати, пушкинскими определениями (сплин, хандра) понимание героя зачастую и ограничивается.

Пушкин в полемике с Вяземским по поводу очень резкого окончания «Кавказского пленника» формулирует важный творческий принцип: «не надобно всё высказывать – это есть тайна занимательности» [11, с. 47]. Но Пушкин не перекладывает понимание ситуации или персонажа полностью на плечи читателя. У него есть свое понимание описываемого, и надо до него добраться. Первая глава романа была издана с предисловием, где в адрес «дальновидных критиков» замечалось: «Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на Кавказского Пленника...» [11, с. 427]. Замечание странное: глава только еще отправляется к читателю, и неизвестно, будет ли замечено (да еще с осуждением) сходство героя с Пленником. Фактически это авторская подсказка, истинная причина «недуга» Онегина. Но отсылка к Пленнику плохая помощница: поэт сам был недоволен изображением этого героя. «Характер главного лица... приличен более роману, нежели поэме, – да и что за характер? кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность в несчастиях, неизвестных читателю...» [11, с. 507] (Н.И. Гнедичу, 29 апреля 1822 г., черновик). Все-таки особенность Пленника Пушкин определил внятно – в письме В.П. Горчакову (октябрь-ноябрь 1822 г.): «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» [11, с. 42].

Преждевременная старость души – вот как по-пушкински называется «недуг» Онегина.

Что и говорить: Пушкин взялся за решение фактически нерешаемой задачи: в эпическое повествование попробовал включить изображение, доступное только лирику. Для самого себя человек прозрачен. От себя у него не может быть секретов: их просто некуда спрятать. Лирику доступны тайны сердца. Эпик может знать о жизни не меньше, но он показывает человека не изнутри, а извне. О внутренней жизни героя мы можем судить по его признаниям и поведению.

Пушкин признал, что отрывочность построения романтической поэмы усугубляет недостатки изображения, но от «Пленника» не отказывался, любил поэму, «не зная за что», там «есть стихи моего сердца» [11, с. 508]; за эти стихи и любил. Он сделал и еще одну попытку изобразить такого героя, теперь уже в романе, хотя и в стихах: тут тоже изображение отрывочное, только отрывков больше; но вряд ли достиг успеха.

Откуда берется такая настойчивость в выборе героя? Это зов своего сердца.

Пушкиноведами не отмечается первый духовный кризис Пушкина. А он был и приходился на полгода в канун окончания его лицейской жизни, с осени 1816 по весну 1817 года [см.: 6]. Его источник сугубо внутренний, взросление: подросток становится юношей. Ему нестерпимо хочется иметь подругу, а как ее иметь при казарменном образе жизни? Скажи об этом прямым словом – попадешь в смешное положение, а юноша-поэт щепетилен в вопросах чести. Но у него уже разбужена творческая фантазия, и невозможное легко предстает реальным. Фантазия помогает и тут: да есть у меня подруга! Но мы, дело житейское, в разлуке...

«Кризисные» стихи помогают понять состояние преждевременной старости души: умозрительно вырезается зрелая и самая активная часть жизни, молодость напрямую переходит в старость. Это фиксируют «Стансы (Из Вольтера)», 1817:

*Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!* [8, с. 220].

Подкрепляется личным признанием, да еще контрастно сопоставляется с **нормальной** судьбой друга («Князю А.М. Горчакову», 1817):

*Твоя заря – заря весны прекрасной;
Моя ж, мой друг, – осенняя заря* [8, с. 225].

Хочется подчеркнуть: внешних изменений в жизни Пушкина не происходит, даже чуткий Пущин, сосед по «номеру», никаких перемен в друге не замечает. (Хотя именно в его подаче сохранилось пушкинское четверостишие «Надпись на стене больницы»:

Вот здесь лежит больной студент;

Его судьба неумолима.

Несите прочь медикамент:

Болезнь любви неизлечима [8, с. 230].

В стихах гипербола? В поэзии это обычный прием!).

Но кончается регламентированный лицейский день, Пушкин уединяется в своем 14 «номере» – и текут элегии... Тоже любопытно: юный поэт уже активно печатается в журналах, но очень редкие стихи из элегического цикла были изданы при жизни Пушкина: это стихи для себя.

Кризис помогли прервать житейские обстоятельства: приблизилось окончание Лицея; прощальные дружеские послания «закрыли» элегический цикл. Новые настроения ознаменовали и начало самостоятельной жизни. А все-таки след сердечных страданий, даже умозрительных, оказался значительным настолько, что поэт наделил таким состоянием своих героев, сначала Пленника, потом и Онегина. Тот успешно начал светскую жизнь, но стал отступником света. Потому что им овладела преждевременная старость души: вот задумка автора. Но поэт понял: читателя такое объяснение озадачивает и не привлекает. Сплин, хандра: упрощая, обозначает состояние героя художник. Без восторга принимается. С тем и остаемся. Получить хоть какое-нибудь объяснение и позволяет аналогия с переживаниями автора.

Герой с преждевременной старостью души исчерпал свой художественный ресурс уже в первой главе. Быт отшельника показан выразительно, вот для движения сюжета герой взят явно невыигрышный. Видимо, сядет (годы ведь идут) интерес Пушкина к этому типу. До поры поэт был упрям, но все-таки внес в изображение героя корректировку, стимулируемую собственными творческими поисками. Но нельзя исключить

(как добавление) и воздействие внешнего толчка. Пушкин услышал еще в Одессе о том, что Грибоедов работает над комедией. В начале декабря 1823 года (в это же время закончена в черновике вторая глава «Онегина») он спрашивает у Вяземского: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чаадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны» [18, с. 62].

«Комедия на Чаадаева»! Пушкин еще не знает, таков ли действительно герой комедии, как он подается, но имя хорошо знакомого Пушкину современника очерчивает тип героя. Пушкин очень высоко ценит потенциальные способности приметного человека, они, как теперь скажут, на уровне мировых стандартов (таких, как Брут или Перикл), а он всего лишь «офицер гусарской». Поэт призывает друга к большему: отчизне посвятить «души прекрасные порывы».

Пушкин в Чаадаеве видит талантливого человека, способности которого миру еще не явлены. Таким же он воспринимает и Грибоедова, чему свидетельством воспоминания о нем в «Путешествии в Арзрум». Как такого рода человек будет изображен в комедии, его очень интересует.

Онегин уже назван «вторым Чаадаевым», но лишь за то, что «в своей одежде был педант». Это говорится не в осуждение, а в похвалу («Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей» [10, с. 17]). Но со своей массовому читателю непонятной старостью души Онегин Чаадаеву заведомо уступает. Возникает задача поднять уровень героя. Она будет решена в четвертой главе. На импульс к этому хотя бы чуть-чуть повлияла и не только не прочитанная, но еще лишь наполовину написанная комедия Грибоедова.

Первая глава вышла в свет в феврале 1825 года. В работе – четвертая глава; писалась она урывками; на первом плане была трагедия «Борис Годунов», законченная осенью. Об уникальном ее прочтении Пушкин, и автор, и исполнитель, и зритель, сообщил Вяземскому в начале ноября. Отсылая Плетневу рукопись первой главы для издания, Пушкин не делал фактических поправок, хотя уже предчувствовал, что изменит возраст героя.

Сначала автору был необходим молодой герой, что и помечалось в предисловии к главе: «Она в себе заключает описание светской жизни петербургского **молодого** человека в конце 1819 года...» [10, с. 427]. О том же сказано и в тексте: герой назван «философом в осьмнадцать лет». Но это типовой возраст совершеннолетия. Только очарование светской жизнью и разочарование в ней для Онегина оказываются совсем рядышком: «**рано** чувства в нем остыли» [10, с. 21], «красавицы **не долго** были / Предмет его привычных дум» [10, с. 21], о себе и герое поэт скажет: «Обоих ожидала злоба / Слепой Фортуны и людей / На самом **утре** наших дней» [10, с. 24]. Утро – возраст совершеннолетия, восемнадцать, полдень — тридцать, вечер, начало старости, — пятьдесят. А тут с усилением: «на **самом** утре»: по существу разочарование настигло Онегина в те же стартовые восемнадцать.

Получается, что получил письмо Татьяны и к Лариным прискакал (в третьей главе) герой девятнадцати лет, а отповедь прочел он же двадцати шести лет: в начале четвертой главы сжато повторена его предыстория, но светские развлечения удлинены: «Вот как убил он восемь лет...» [10, с. 69].

Изменилась мотивировка разочарованности: теперь о преждевременной старости души речи нет, появляется более понятная причина – простая пресыщенность. Что любопытно, она помечалась и в первой главе («Измены утомить успели; / Друзья и дружба надоели» [10, с. 21]). Но там эта мотивировка – просто следствие очень важного пушкинского приема. Поэт мыслит альтернативно и дает персонажу или ситуации не одно объяснение, пусть сразу верное, а несколько, в том числе и менее вероятные – на выбор. А тут вышло так, что объяснение, сначала данное как добавочное, стало основным!

Четвертая глава обозначила исключительно важный рубеж творческой истории романа. Герой со странным недугом избавился от него и значительно вырос как личность. Теперь можно видеть психологическую мотивировку разрыва Онегина со светом: это «резкий, охлажденный ум» [10, с. 24], образованность Онегина, добытая, разумеется, не в результате поверхностного

домашнего обучения, а в результате систематического самостоятельного чтения: «Чтение – вот лучшее учение» [11, с. 593], – напутствовал Пушкин младшего брата; наконец, безошибочное понимание людей как своеобразный дар Онегина, свидетельствующий об умении героя извлекать позитивный опыт даже из бесплодной «науки страсти нежной».

Иным теперь предстает сам деревенский образ жизни героя. Да, в конце первой главы уже зарождается, а во второй и третьей главах продолжается поток замечаний о том, что Онегин привез в унаследованную усадьбу хандру и скуку, даже приумножив уныние. Но в концовке четвертой главы описание быта Онегина завершается таким обобщением:

*Вот жизнь Онегина святая;
И нечувствительно он ей
Предался, красных летних дней
В беспечной неге не считая,
Забыв и город, и друзей,
И скуку праздничных затей* [10, с. 80].

Но фиксируется: «приближалась / Довольно **скучная** пора: / Стоял ноябрь уж у двора» [10, с. 81]. Поэт восклицает: «В глуши что делать в эту пору?» [10, с. 82]. Между прочим, отнюдь не на слуху, что осень станет для поэта любимым временем года далеко не сразу. Тут бодрость Онегина «по погоде» не снижается.

По определениям современных психологов, Онегин – интроверт: было бы у него на душе спокойно, а внешние впечатления второстепенны. Наверно, летом переплыть речку приятнее, а для здоровья и ванна со льдом хороша.

*И после, дома целый день,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра* [10, с. 82].

И пойдем: кий в его руках – это просто стимулятор внутренней энергии, не спортивное занятие; Онегин вряд ли считает, сколько шаров он забил сегодня в сравнении с тем, сколько забил вчера. А чем он по-настоящему занят? Думает

человек! И тем самым оправдывает свое родовое имя – Homo sapiens. Готовится к разговору с Ленским как к диспуту. В новом свете предстает строфа XVI второй главы о темах разговоров сблизившихся пустынножителей. А тут – важнейшие события отечественной истории, возможности просвещения, умение различать добро и зло, новые ценности романтизма, воззрения религии и атеизма на тайны гроба и сущность жизни. Это же широкий круг так называемых вечных вопросов, мимо которых не должен проходить думающий человек. Результат будет принимать индивидуальный характер. Бесспорно одно: само размышление на такие темы – нескучное дело.

Обратим внимание на даты. В феврале 1825 года к читателям пришла первая глава. Предисловие к ней обозначило светскую жизнь героя 1819 годом. Аналогичный старт у Пушкина пришелся на 1817 год. Далее отодвигать дебют героя было некуда: в 1820 году поэту пришлось столицу покинуть. В эту пору 1819 год для него ничем особенно не примечательный. В январе 1825 года опального поэта в Михайловском навестил Пущин. Тогда затворник достоверно узнал о существовании тайного общества, но вступить в него не пожелал «по многим» своим «глупостям» [1, с. 102]. Пушкин дописывал последние строфы четвертой главы, когда узнал о событиях на Сенатской площади.

Выросло значение прожитых лет! Еще было неясно, дозволит ли цензура реагировать на новейшие события, а почва для иного понимания предыстории героя была уже подготовлена. Удлинив (очень кстати) светскую жизнь Онегина, поэт отказался от изображения сомнительной преждевременной старости души, зато подготовил восприятие персонажа как героя времени.

Здесь будет интересно отметить, что результаты исканий героев двух Сергеевичей оказываются сопоставимыми, хотя пришли они к ним, мало сказать – разными, точнее – контрастными путями.

Творческая история «Горя от ума» не маленькая – с 1820 по 1823 год. Но главный герой все время оставался, каким и был задуман, зрелым человеком. Целостности построения «Горя от ума» соответствует выбранная

драматургическая форма. Полагалось уложить действие в 24 часа: Грибоедов легко справился с этой установкой.

Пушкин взялся за роман, хотя и в стихах: сюжетобразующими стали фрагменты и эпизоды биографии героя. Первоначальный замысел концентрировался на психологическом интересе к герою. Роман сразу строился с «открытым» временем [см.: 5, с. 352], т. е. в контакте с временем реальным, историческим.

Грибоедов не датирует событие комедии. Нет ошибки, если жизнь героя синхронизировать с жизнью автора: идейный-то импульс отсюда и зачерпнут. Сближены жизни автора и героя в «Евгении Онегине», тем более что и автор становится героем романа, приятелем героя заглавного.

Грибоедов успел закончить комедию до сближения с декабристами, поправки, уточнения после новых своих встреч вносить не стал. Пушкин успел обновить замысел, изменил мотивировку разрыва героя со светской жизнью, когда достоверно узнал о существовании тайного общества, да и полромана написал уже после поражения декабристов. Важно заметить, что художественное время романа разделяется на два потока: сюжетное время героев (1819-1825) и авторское время, время написания глав (1823-1831): тут добавляются какие-то новейшие ассоциации.

Это ли не курьез: в законченных произведениях и Чацкий, и Онегин не ведают, что произойдет в самом ближайшем будущем в России. Онегина совершенно точно не будет на Сенатской площади, но не потому, что он не дорос до декабристов или где-то прогулял историческое событие: просто по календарю романа (как и в комедии Грибоедова) оно еще не произошло. Роман кончается описанием свидания Онегина с Татьяной, на которое герой едет уже по талому снегу, но еще в санях; это ранняя весна 1825 года. Работа Пушкина продолжалась; последняя зафиксированная дата – 5 октября 1831 года: написан текст письма Онегина к Татьяне; ранее о его письмах только упоминалось. У поэта была возможность обдумать не только само событие, но и его последствия. Не обошлось и без преодоления иллюзий. Тригорский и тверской

знакомый Пушкина Алексей Вульф 16 сентября 1827 года делает в дневнике запись о том, что он накануне, 15 сентября, был на обеде у Пушкина в Михайловском. После обеда играли на бильярде. Вульф записывает бесценное суждение Пушкина: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14 декабря» [1, с. 450]. Но эта тема оказалась под строжайшим запретом.

И тут возникает вопрос: можем ли мы для понимания героя, изображенного в преддекабристское время, использовать детали, выявляющие явное знакомство автора с деятельностью декабристов?

Онегину дважды пришлось объяснять Татьяне, отчего в деревне он пренебрег ее любовью. На свидании герой не выходит из психологической сферы. Он сдержан, сух, только излагает факты, констатация преобладает над объяснением: я не таков, кого вы искали; я не создан для блаженства; я ни на миг не пленяюсь семейственной картиной; он больше отрицает, чем утверждает. А кто же он такой? Почему он не создан для блаженства? Над этими вопросами еще предстоит мучиться Татьяне. Далеко не сразу найдет она ответ.

А Онегин и сам еще не знает, как именуется то состояние, которое он реально переживает. Не знает потому, что и для поэта еще не настал момент, когда будет «слово найдено».

Ко второй встрече герой лишился ценностей, которыми обладал, и свою деревенскую позицию осознает ошибочной:

Я думал: вольность и покой

Замена счастью. Боже мой!

Как я ошибся, как наказан! [10, с. 155].

В деревне Онегин не знал, как именуются ценности, которые были его духовной опорой и заслонили собой любовь. Между тем теперь включенная формула на правах романтической эмблемы широко бытовала в русской поэзии. В усеченном виде («покой») она активна уже в творчестве поэтов XVIII века, означая состояние, когда человек в ладу сам с собой, когда совесть

санкционирует намерения и поступки. «Покой» – утверждаемая ценность в лицейской лирике Пушкина. В полном виде формула впервые возникает у поэта в знаменитой оде «Вольность», в итоговом обращении к владыкам; здесь она имеет акцентированно высокое общественное содержание:

*Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой* [8, с. 287].

Рылеев («Пустыня») пишет об уединенной жизни юного поэта:

*С ним вместе обитают
Свобода и покой* [12, с. 80].

Та же формула встречается у Языкова. Например, в девятой из цикла «Песни»:

*Бродя по городу гурьбой
Поем и вольность и покой* [13, с. 98].

Тот же мотив варьируется Языковым в послании Н.Д. Киселеву:

*Младый воспитанник науки и забавы
Бродя в ночной тиши, торжественно поет
И вольность, и покой, которыми живет* [13, с. 101].

А в послании «Е.А. Баратынскому» Языков даже обобщает: «Свобода и покой, хранители поэта...» [13, с. 349].

Формула переходит и к преемнику Пушкина Лермонтову; но здесь она обозначает не обретенное состояние, а только цель, мечту о нем:

*Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!* [4, с. 222].

Да и Пушкин на последнем отрезке своей жизни написал: «На свете счастья нет, но есть покой и воля» [9, с. 258] – когда у него уже не было ни покоя, ни воли.

Онегинское жизненное кредо не лишено эгоистического содержания, однако им не ограничивается. Предполагается главное: духовный поиск,

критическая переоценка ценностей, напряженная работа ума. Столь широкий контекст онегинской формулы придает вес духовным поискам героя, уточняет их общественное русло.

Тут для нас может быть интересной такая ситуация. Высший этап духовных поисков Онегина приходится на деревню. Наиболее точное и глубокое осмысление сути обретений, выведение их на уровень мировоззренческой формулы сделано задним числом (что вполне оправдано вживанием автора в образ). Возможно ли для многократно читавших роман использование такой формулы для понимания «деревенского» Онегина, когда состояние им уже было обретено, но емкое слово для его определения еще не применялось?

Попробуем ориентироваться на пример автора! Опорой для понимания героя формула сделана поэтом поздно, при подготовке к печати последней, восьмой главы. Вводить ее в ранее опубликованный текст поэту было не с руки. Зато в рукописи восьмой (и последней) главы появилось значимое изменение. Вот Онегин на первом визите к Татьяне-княгине.

Упрямо смотрит он: она

Сидит покойна и вольна [10, с. 151].

Пока в беловую рукопись еще не было вставлено письмо Онегина (было только упоминание о его письмах), строка читалась иначе: «Сидит небрежна и вольна». Несомненно, что поправка внесена под влиянием формулы, включенной в текст письма (этот факт констатировал С.Г. Бочаров [2, с. 19]). Но по ходу повествования Татьяна письма еще не получала! Поэт знает, что получит, и в своем описании использовал важную формулу заблаговременно. Будем видеть в этом прецеденте разрешение поэта применить ценное (хотя и припоздавшее) определение для понимания «деревенского» Онегина.

«Деревенские» искания Онегина, подкрепленные и практическим жестом – реформой в усадьбе в пользу крепостных, – высший этап духовного развития приятеля поэта, что подчеркнуто умиротворенным состоянием героя даже в «скудную» пору времени года. Нет надобности завышать его декабристский

потенциал. Наш язык достаточно богат, чтобы выбрать более точное определение, вариантов свободолюбия много. Пушкин писал Н.И. Гречу 21 сентября 1821 года: «...уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее liberal, оно прямо русское, и верно почтенный А.С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем» [11, с. 27]. Нет надобности именовать Онегина декабристом, вольнолюбом он фактически является, у этого определения диапазон немалый. Под таким углом зрения уместно взглянуть и на мировоззренческие поиски Онегина в общении с Ленским. Оппозиционность и Ленского, и Онегина в предисловии к нелегальному сборнику «Русская потаенная литература» отметил Н.П. Огарев: «...Чувствуется, что эти люди, прежде всего, не друзья правительства и представляют – один вдохновенно, другой скептически – протест против существующего правительственного порядка вещей» [7].

На советском этапе нашей истории господствовало убеждение, что только цензура воспрепятствовала показать декабристскую судьбу героя. Такой вариант проходил в раздумьях поэта о концовке романа, но реализован иной вариант, и не только из опасений цензуры. Гонясь за максимумом, исследователи советской поры упустили из виду реальный минимум. Заговорщики исчислялись сотнями, слой вольнодумцев был значительно полнее. Среди них встречаются и такие люди, как Грибоедов, Пушкин, «декабрист без декабря» Вяземский.

В околодекабристской среде место и Онегину. Что с ним станет, куда он качнется – вопрос большой важности: это показатель общественного тонуса. «...Главный герой – словно бы наперекор усилиям автора – предстает в романе как личность незаурядная и крупномасштабная, как человек декабристского круга, а сам роман – как произведение острозлободневное, политически окрашенное» [3, с. 28].

Задумывались и над перспективными судьбами героев. Вряд ли эта тема вставала перед Грибоедовым: слишком велика оказалась тяжесть откровения,

необходимо было время, чтобы разобраться в новой ситуации. У Пушкина иначе. Погиб Ленский. А поэт набрасывает два варианта (хотя оба не могли состояться) гипотетической судьбы с заметным зазором между ними – героический и обыкновенный, обытовленный. Не иначе, как на завтрак: Онегин остается жить, а впереди важное историческое событие; что с ним станется? Это и способ обойти цензуру: событие не показано, а мысли читателей разбужены. Поэт отсылает свое творение читателю с удивительной щедростью:

Кто б ни был ты, о мой читатель,

Друг, недруг, я хочу с тобой

Расстаться нынче как приятель [10, с. 163].

Приязненное обращение к недругу тут неожиданно: чего хорошего от него ждать! Но поэт знает, что толкование читателей не будет единодушным. Автор готов к журнальным сшибкам, были бы они осмысленными. Он несколько не равнодушен к трактовкам; в спорных ситуациях у него есть свое четкое мнение, хотя он не часто излагает его прямым образом, предпочитая намеки и недосказанность. Поэт заинтересован в думающем читателе.

В отличие от «Горя от ума», законченного до обнаружения заговора, «Евгений Онегин» наполовину написан после трагедии 14 декабря. Не могло того быть, чтобы событие не повлияло на окончание романа. В концовке психологический роман превратился в исторический роман о современности, поскольку история из фона действия стала предметом действия. Восьмая глава начата развернутым автопортретом, причем выделена вольнолюбивая муза; упомянуто, что «молодежь минувших дней» «за нею буйно волочилась» [10, с. 143]. А в концовке серию прощаний завершает предельно ясный намек: «Иных уж нет, а те далече». Там же сказано: «**Без них** Онегин дорисован» [10, с. 164]. Но с думами поэта о «них»!

А все-таки и Онегин дорисован не совсем «без них».

Безмятежное существование в деревне для Онегина прервала злополучная дуэль, на которой и он получил тяжелую рану. Она не физическая, а духовная;

герою от этого не легче. «Вольность и покой» были хороши в связке. Но разрушен покой, и вольность превратилась в «постыльную свободу».

Онегин отправляется в путешествие. Его всюду сопровождает слово «тоска». Пушкин не скупится на скептические оценки:

*...начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели...* [10, с. 147].

Но скептицизм нарочит. **Была** у Онегина значимая цель: обрести новые значимые ценности взамен утраченных. «Проснулся раз он патриотом» [10, с. 466]; он едет, чтоб увидеть «Святую Русь» [10, с. 467]. А насмотрелся... В седьмой главе Пушкин воспел Москву, посрамившую грозного завоевателя; Онегина Москва встречает преньями о кашах, «шпионом именует», «производит в женихи» [10, с. 468]. Аналогичны впечатления и в других известных местах.

Пушкин воспользовался тем обстоятельством, что в романе образовались два потока времени, авторское существенно опередило сюжетное. Поэту не понадобилось прогнозировать, каким может быть будущее героя; оно реально проецируется на настоящее время автора. Но и взгляд из своего настоящего на прошлое, в котором теперь живет герой, позволяет больше увидеть в нем. Задним числом поэт резче расставляет акценты, показывая общественное равнодушие как косность, противостоящую энтузиазму горстки благородных людей, вознамерившихся преобразовать Россию. Но это не анахронизм; совсем ни к чему ломать онегинский календарь, чтобы увидеть в герое тип, более четко проявленный после 14 декабря.

Пушкин мудро разглядел противоречия своей, только что оставленной позади эпохи. Неоцененный мировоззренческий урок поэта состоит в том, что любой, без исключения, момент исторического развития, взятый на выбор, нельзя красить одним цветом. В любой момент идет борьба нового со старым. Разумеется, условия бывают разные, они благоприятствуют тем или другим

устремлениям; эти условия придают эпохе свой колорит, но никогда не исчерпывают оттенков жизни. Россия косная существовала и в эпоху декабристов: одних она устраивала, других подавляла, в декабристах же рождала благородный протест и жажду борьбы за обновление Родины. Александр I неплохо начинал («Он взял Париж, он основал Лицей»), да кончил Священным союзом и аракчеевщиной. Аракчеевской реакции противостояло широкое общественное движение, но наберется и немало акций, разрозненных, менее сплоченных и организованных, но по-своему героичных, противостоявших николаевской реакции, мрак которой сгустился. Между двумя соседними эпохами (где царствовали братья), как видим, можно отметить черты сходства и в их плюсах, и в их минусах, но черты сходства не мешают воспринимать эти эпохи контрастными: меняется общественный тонус, иначе расставляются акценты. На финал формирования личности Онегина в александровскую эпоху оказывает влияние не устремление новаторов, а плесень консерваторов. Это хуже для репутации героя, но это реальность.

Заклучим. Грибоедов вряд ли видел своего героя в числе декабристов. Пушкин опубликовал «Отрывки из путешествия Онегина» (фрагменты первоначальной восьмой главы «Странствие») после того, как поставил итоговое обозначение «Конец», вопреки обыкновению после примечаний. «Отрывки» фактически выполняют роль эпилога (или пролога к сердечному крушению).

В герценовской типологии прозорливо выделены трое братьев. Старший и младший сходны в том, что оба одиноки, только один ужасается своему открытию, другой сознательно выбирает путь индивидуализма ради власти над людьми, но оказывается банкротом. Онегин посередине. С Чацким его роднит вольнодумство. С Печориным – судьба «лишних людей».

Финалы «Горя от ума» и «Евгения Онегина» открытые. Не кто-то за них; герои сами выберут свой путь...

Список литературы:

1. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. 543 с.
2. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. М.: Наука, 1974. 207 с.
3. Гуревич А.М. «Евгений Онегин»: поэтика подразумеваний // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 3. С. 26-30.
4. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. 719 с.
5. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 352 с.
6. Никишов Ю.М. Первый духовный кризис Пушкина (осень 1816 – весна 1817) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 1. С. 22-30.
7. Огарев Н.П. Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература» [Электронный ресурс] // Огарев Николай Платонович [сайт]. 2023. URL: <https://bit.ly/3N0rCma> (дата обращения: 15.06.2023).
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Т. 1: Стихотворения, 1813-1820. Л.: Наука, 1977. 479 с.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Т. 3: Стихотворения, 1827-1836. Л.: Наука, 1977. 495 с.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. Л.: Наука, 1978. 527 с.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Т. 10: Письма [1815-1837]. Л.: Наука, 1979. 711 с.
12. Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1971. 480 с.
13. Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1964. 706 с.

Сведения об авторе:

Никишов Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Тверь, Россия).

Data about the author:

Nikishov Yuri Mikhailovich – Doctor of Philological Sciences, Professor,
Independent Researcher (Tver, Russia).

E-mail: yunik1932@mail.ru.